

Саммер ЛЕНЦ

Саммер Ленц родилась в 1984 году в поселке Жуланово Соликамского района, окончила факультет филологии и массовых коммуникаций Нижнетагильского социально-педагогического института. Участвовала в сетевых литературных конкурсах. Дебютировала в пермском журнале «Вещь». Живёт в Красноуфимске.

ПЛАВУЧИЙ УНИВЕРСАМ ДОКТОРА ФИТЦА

Рассказ

Плавучий универсам доктора Фитца – это огромный пароход с четырьмя палубами, тремя трубами, двумя якорями и одним духовым оркестром. Попасть в этот универсам – заветная мечта каждого, но у пристани Фрюлингштадта он никогда не швартуется. Только в акватории Шённен-Блау владелец универсама, доктор Руперт Фитц, разрешает капитану бросить один из якорей, и тотчас десятки нарядных шлюпок с самыми богатыми жителями префектуры Ганцфогель устремляются к этому чуду науки и техники. В стоимость билета входит трансфер, обслуживание, развлечения, питание и любой товар, который вы сможете унести. Фирменные сумки, пакеты, корзинки и коробки тоже в счёт билета. Администрация универсама ни в чём не ограничивает своих клиентов. Можно хоть всю жизнь проплавать, прежде чем определишься, что выбрать.

В классе Магнуса Беккера все – и мальчики, и девочки – хотя бы раз в жизни видели плавучий универсам с пристани или издалека, в бинокль. Фридрих Цангер даже подплывал к нему на шлюпке – дедушка Фридриха работал одно время речным перевозчиком и взял внука в плаванье. И хотя Фридрих был задирой, дружить с ним хотели все.

И лишь Магнус разглядывал детище доктора экономических наук Фитца только на рекламных проспектах. Нельзя сказать, будто Магнус был самым бедным в классе. Его мама, фрау Магда Беккер, и старшая сестра Элинор работали на ткацкой фабрике Фрюлингштадта, и мама даже подменяла несколько раз мастера. Магнусу до его совершеннолетия военным адмиралтейством выплачивалась небольшая пенсия по утере кормильца – папа Магнуса, военный моряк, погиб в бою. Беккеры могли позволить себе съездить к морю на курорт, провести в дом газ и электричество, исправно оплачивали счета, и даже хватало денег Элинор на вечерний колледж. Магнусу просто не везло. Он или болел, или мама с Элинор были на работе, или ещё какая-нибудь досадная накладка мешала им всей семьёй отправиться в Шённен-Блау, чтобы поглазеть на знаменитый на весь мир магазин всякой всячины.

Обычно Магнус не создавал проблем. Бывало, конечно, что он попадал мячом в чьё-нибудь окно, терял ключи, забывал заправить постель или вымыть ноги, но это, как считала мама, не повод для трагедии, это всё поправимо. И вдруг, накануне своего десятилетия, Магнус попросил у мамы и Элинор в подарок ни много ни мало, а билет в плавучий универсам.

Мама тогда сказала, что это очень дорого. Чтобы достать билет в плавучий универсам, нужно работать весь год, экономить на всём, и ещё неизвестно, хватит ли. Может, лучше велосипед? Магнус подумал и сказал, что если велосипед ещё не купили, то лучше эти деньги отложить на следующий год, чтобы проще было купить билет. Мама и Элинор удивились, но желание именинника – закон, и десятый день рождения Магнус встречал без подарков и именинного пирога. Карманные деньги по решению Магнуса тоже пошли в фонд билета.

После летних каникул Магнус решительно налёг на учёбу, и в конце семестра заработал именную стипендию директора Фрюлингштадтской школы. Он вовремя делал уроки, бегал в лавку, сортировал бельё для прачечной, даже ужин готовил, чтобы мама и Элино́р видели: Магнус достоин билета! Зимой он отказался от новогоднего и рождественского подарков.

Год пролетел быстро. Утром, когда Магнусу исполнилось одиннадцать лет, он проснулся за час до звонка будильника и тщательно обшарил всю комнату. Вожделенного подарка не было нигде. Мама и сестра ещё спали, будить их было нельзя, и Магнус изнемогал от нетерпения. Ведь плавучий универсам должен прибыть в Шённен-Блау уже завтра, как раз в выходной!

От отчаяния он прокрался на кухню и начал готовить завтрак. Замешал тесто на блинчики, нарезал сыр, включил плиту и поставил греться сковородку. Когда запахнет блинчиками, мама и Элино́р обязательно проснутся.

Они и вправду проснулись, поцеловали Магнуса в щёки, поздравили с днём рождения и сели завтракать. О подарке никто не сказал ни слова. Магнусу кусок не лез в горло. Он ковырял вилкой в стопке политых клюквенным сиропом блинчиков и ждал, что сейчас кто-нибудь не выдержит и вручит ему билет.

В конце концов не выдержал он сам.

– Мама... – робко спросил Магнус, когда фрау Беккер встала из-за стола и начала собирать посуду.

– Да, капитан?

В день рождения она всегда звала его капитаном.

– А можно спросить?

– Про подарок?

– Да.

Мама убрала тарелки, кружки и вилки в мойку, сполоснула руки, тщательно вытерла их кухонным полотенцем и сказала:

– Капитан, тут такое дело... В этом году мы не смогли. Билет слишком дорогой, мы даже на половину нужной суммы ещё не заработали.

У Магнуса задрожали колени и запершило во рту. Мама с сестрой за всё это время не давали ни малейшего намёка, что может не получиться. Они подбадривали его, тоже строили планы, как поедут в Шённен-Блау и чем будут там заниматься, пока Магнус гуляет по универсаму...

– Магнус, только не реви! – предупредила Элино́р.

Хорошо ей говорить! Он уже проболтался в классе, что ему подарят. Ему, разумеется, никто не поверил, все начали дразниться. Даже лучший друг Юрген покрутил пальцем у виска: больной, что ли? Скажи ещё, что пасхальный кролик яйца несёт.

– Капитан, миленький, ну, прости нас, пожалуйста, – сказала мама, сама едва сдерживая слёзы. – Мы собрали все деньги, Элино́р вчера взяла отгул за свой счёт и специально ездила в Шённен-Блау за билетом. Там сказали, что детей без сопровождения взрослых в плавучий универсам не пускают, а взрослый билет стоит в два раза дороже, чем детский.

Это была катастрофа. Магнус мог ограничивать себя, но ограничивать маму и Элино́р... Мечта умерла, и Магнус хотел горько её оплакать.

– Я кому сказала не реветь? – строго повторила Элино́р.

– Отстань...

– Нет уж, Магнус, не отстану.

Элино́р села перед братом на корточки и посмотрела ему в глаза. Глаза у Элино́р красивые – большие, тёмно-карие, и сама она очень милая.

– У меня есть для тебя подарок, – сказала она. – Даже два, если честно. Посмотри в кладовке. Не смей бежать – это точно не билет. Но этот подарок тебе точно пригодится.

Магнус встал со стула и покорно отправился в кладовку.

Подарки он увидел сразу. Это были два больших свёртка, один – почти в рост Магнуса, другой – ему до пояса. Что внутри, понять было нельзя, потому что подарки были завернуты в белую оберточную бумагу так щедро, что это могло быть что угодно, даже якоря с плавучего универсама. Оба подарка были перевязаны нарядными лентами.

– Что это? – спросил Магнус, обернувшись на маму.

Мама, похоже, тоже не знала, потому что вопросительно смотрела на Элинор. Элинор почти не улыбалась. Она, наверное, боялась, что подарок Магнусу не понравится.

– Открывать?

– Подожди, капитан, я сяду, – сказала мама и присела на краешек стула.

В первом свёртке оказалась настоящая дворницкая метла. Такие стоят в углу скобяной лавки герра Шнитцельбаке и стоят четверть талера, потому что, как утверждает сам герр Шнитцельбаке, им сносу нет. Во втором свёртке Магнус нашёл совок на длинной ручке, тот, в который сгребаешь мусор, и он не вываливается. Такой совок стоит полталера. Ещё столько же – и получится велосипед, от которого Магнус отказался в прошлом году.

– Братик, ты только не торопись обижаться, ладно? – взмолилась Элинор. – Мы с мамой очень тобой гордимся. За прошедший год ты стал взрослее всех твоих одноклассников. И я подумала: если ты уже такой взрослый, может, тебе найти работу? В нашем колледже дворнику Михелю нужен помощник. Если хочешь, я договорюсь.

– А сколько будут платить?

– Немного. Всего талер в неделю. Но на следующий год мы точно сможем купить билет в универсам. С двенадцати лет уже положен взрослый.

Магнус шмыгнул носом, подошёл к Элинор и обнял её. Элинор тоже обняла брата.

– Только не реви, – предупредил он.

Сказать, что в школе день прошёл ужасно – это ничего не сказать. Известие о том, что Магнус собрался в плавучий универсам, ещё вчера облетело все классы, и сегодня все только и ждали, чтобы увидеть Магнуса без билета. Все – и даже Юрген! – обзывали Магнуса хвастуном, говорили, что он завидует славе Фридриха. Девочки сложили из бумаги кораблик, написали на нём «Плавучая лавка хвастуна Магнуса». Фридрих несколько раз преобольно ударил Магнуса по щиколотке, а в конце уроков на ранце кто-то написал чернилами «подайте на билетик». Напрасно учителя пытались вразумить обидчиков Магнуса. Напрасно он сам пытался объяснить, что на самом деле накопил на детский билет, просто без взрослых туда не пускают. Никто не хотел слушать.

Сначала Магнус хотел отлупить всех. По счастью, он понимал, что даже Юргена вряд ли отлупит, хотя они и одного роста. К тому же за драку его вряд ли похвалят, а терять именную директорскую стипендию – три талера за семестр – в его планы не входило. Можно было зареветь и убежать, и несколько раз Магнус был близок к этому. Но тогда пиши пропало, и даже если произойдёт чудо и он внезапно окажется в универсаме, и фотографию опубликуют на первой полосе «Фрюлингштадт цайт», он навсегда останется в памяти школы как тот, кто заревел и убежал. Терпеть издевательства помогала мысль о подарке Элинор. Как он вернётся домой, как сделает уроки и как вместе с сестрой пойдёт знакомиться с дворником Михелем.

После школы одноклассники и прочие, кому было не лень, шли за Магнусом, швыряли в него комки грязи, прошлогодние шишки, плевались жёванной бумагой. Фридрих, отчаявшись задеть Магнуса, назвал его маму и сестру нехорошими словами. Магнус назвал его говнюком, и это стало поводом устроить кучу-малу, в результате которой Магнусу оторвали рукав школьной куртки, поставили фингал и укусили за подмышку.

По счастью, дома никого не было. Магнус приложил к фингалу грелку со льдом, и в таком неудобном положении сделал уроки. Потом, уже без грелки, пришил, как умел, рукав куртки. До каникул не так далеко, за лето он вырастет и не влезет в куртку, так что мама, наверное, не заметит.

Элино́р пришла со смены в пять часов вечера, наскоро перекусила бутербродом, обжигаясь, выпила какао и спросила Магнуса:

– Готов?

Готов он был уже давно. Нашёл в чулане старый рабочий халат Элино́р, вытащил из сундука мамыны прохудившиеся ботинки – вот вам и униформа. Головного убора, правда, не было, но он вспомнил об издевательском кораблике, и вытащил его из мусорной корзины, куда было запихнул, вернувшись из школы. Пусть будет хоть какая-нибудь польза.

Внешний вид Магнуса Элино́р не понравился, но она не сказала ни слова ни о синяке, ни о надписи на бумажном кораблике.

– Сними это и сложи в сумку, в колледже переоденешься, – сказала она. – И побыстрее, трамвай через десять минут отходит.

Тащить одновременно сумку, метлу и совок не получилось, поэтому Элино́р взяла метлу. С ней она была похожа на молодую начинающую ведьму, которая накануне Вальпургиевой ночи отправилась сдавать на лётные права. Завидев её, вагоновожатая Брунгильда затрещонила на всю улицу. Элино́р лишь улыбнулась и помахала в ответ свободной рукой.

Трамвай шёл через весь город. Люди входили и выходили, и только Магнус с Эльвирой стояли на задней площадке, потому что им нужна была конечная.

Вечерний колледж, в котором училась сестра Магнуса, был не только вечерним. Днём в нём учились те выпускники Фрюлингштадтской школы, родители которых не могли оплатить высшее образование. Здесь преподавали слесарное и токарное дело, готовили обслуживающий персонал для ткацких станков и железнодорожных путей, и много ещё чего. Просто вечером здесь проводились платные курсы для тех, кто хотел поступить в институт, для рабочих, которым предложили стать мастерами.

Магнус здесь уже был однажды, когда потерял ключ и вынужден был просить у Элино́р запасной. Но тогда он думал, будто колледж – это только новое трёхэтажное здание, покрашенное в светло-лазоре́вый цвет. Оказалось, что зданий в колледже целых шесть, половина из которых – производственные, и вокруг каждого нужно убирать территорию. Ещё в обязанности дворника входило отпирать ворота утром и запира́ть вечером, стричь кусты и газоны, убирать опавшие ветки, не давать разрастаться тополям, поливать в тёплое время года цветы и убирать их на зиму в оранжерею. Раньше со всем этим управлялся старый дворник Клаус, но он недавно умер, а его помощник, Михель, немножко не успевал.

Об этом Элино́р рассказала Магнусу, пока они шли к дворницкой – маленькой будочке у сквера, окружающего колледж со всех сторон.

– И за всё это всего один талер? – испуганно спросил Магнус.

– Балбес, тебе этого всего и не поручит никто, – сказала Элино́р. – Тебя никто не трудоустроит, пока ты выше метлы не вырастешь. Просто Михелю нужна помощь, он тебе из своего жалованья платить будет.

– А не обманет?

– Михель-то? Сейчас сам увидишь.

Михеля они увидели изда́лека. Это был высоченный парень в белом фартуке, который сгребал в кучу прошлогодние листья. Когда Магнус с Элино́р приблизились, стало ясно, почему он «немножко не успевал». Михель походил на сломанную куклу. Голова его смотрела вверх и вправо, будто шею заклинило, пальцы на руках скрюченные, левую ногу он подволакивал, правой же будто подпрыгнуть хотел.

– Михель, привет. Я тебе помощника привела.

Дворник повернулся всем телом и будто сломался пополам, потому что смотрящая вверх голова не давала увидеть то, что происходит внизу. Магнус увидел, что глаза Михеля тоже сломаны – смотрят в разные стороны, а правый уголок рта опущен вниз, отчего лицо дворника казалось злым.

– И это помощник? – с трудом сказал Михель. – Маленький.
– Ну что ты опять начинаешь, Михель? – Элино́р будто и не заметила разочарования в голосе дворника. – Он справится, он смышлёный.

– Нет. Слабый.

– Значит, дашь ему другую работу. Только учти – не дольше, чем до девяти вечера. Он должен успевать на трамвай.

– Суцеглупая гусыня, – сказал Михель. – Он сбежит.

– А ты сделай так, чтобы не убежал. Клаус, поди, тебя не сильно гонял.

– Заткнись и проваливай, – огрызнулся Михель и перевёл взгляд на Магнуса. – Спецовка?

– Есть.

– Иди в будку. Барахло там оставь. Будешь тележку катать.

Магнус повернулся к сестре, но Элино́р уже была на полпути к своему колледжу. Делать было нечего, и Магнус отправился переодеваться.

В дворницкой было прохладно, вдоль стен стояли лопаты, мётлы, грабли, вилы, на стенах висел всевозможный садовый и плотницкий инструмент. Магнус быстро переделся и бросился обратно.

– Видишь листья? – спросил Михель, уже не глядя на своего помощника, а просто тыча скрюченными пальцами в гору жухлой листвы. – Их нужно в компост. За оранжерею.

– А где это?

– По дорожке. До конца. Потом налево. Там увидишь. Листья не ронять. Дорожка чистая.

– А вы что будете делать?

– Чай пить, болван! Видишь, сколько ещё?!

Грести и впрямь было много чего. Половина сквера, очищенная от прошлогодней пади, ярко зеленела свежей травой, а другая была будто пылью пририта.

Михель дал Магнусу вилы, показал, как удобнее загружать листву в тачку, и ушёл с граблями в другой конец сквера. Магнус остался один на один со своей работой.

У дворника вилами орудовать получалось куда ловчее. Как Магнус ни старался, вся листва у него отчего-то высыпалась между зубьями. В конце концов, он так умучился, что бросил вилы и начал грузить листву охапками. Дело пошло быстрее. Магнус нагрузил тачку с горкой, схватился за ручки, и чуть не опрокинул. Ближе к ручкам надо грузить, догадался Магнус. Он перераспределил нагрузку. Поднимать тачку стало тяжелее, но зато она перестала выливать из стороны в сторону. Осторожно развернувшись на месте, Магнус покатил тачку по гаревой дорожке.

Пару раз ему приходилось останавливаться от усталости, ещё три раза из-за лёгкого встречного ветерка, норовившего выдуть листья из тачки. Но с грехом пополам он всё-таки докатил тачку до компостной ямы, вывалил листву и налегке, чуть ли не вприпрыжку погнался назад.

Гора листьев как будто и не убывала. Магнус с тоской посмотрел на эту невероятных размеров гору, погрозил кулаком липам, сбросившим столько листвы, и принялся грузить тачку снова. Теперь он сразу развернул её в сторону оранжереи и трамбовал листья, чтобы влезало больше, а чтобы ничего не разлеталось – накрыл груз сверху халатом и придавил сверху вилами, не просто так же им валяться.

Рейсы до компостной кучи и обратно участились. Скоро Магнус сбился со счёта, сколько раз он ездил туда-сюда. Он грузил, отвозил, вываливал, возвращался. И вдруг листья закончились. Он сам не заметил, как всё увёз.

Гордый, Магнус покатил тачку туда, где Михель скрёб земли граблями.

– Я всё! – сказал он.

– Наконец-то, – сердито ответил дворник. – Думал, ты сдох. Убирай эту кучу.

– Эту?! – протянул в ужасе Магнус.

Оказывается, пока он воевал с первой кучей, Михель успел нагрести вторую, раза в три больше той.

– Шевелись!

Магнус тяжело вздохнул и принялся загружать тачку.

Занятия у Элинон закончились без десяти девять. Она вышла на крыльцо главного корпуса и огляделась в поисках брата. Магнус уже стоял у ворот колледжа, рядом с ним стоял Михель. Оба были мрачны и друг на друга не смотрели.

– В чём дело? – спросила Элинон, подойдя ближе.

– Не годится, – покачал головой дворник. – Слабый. Вот оплата. Больше пусть не приходит.

Михель отсчитал четыре медяка и протянул Элинон. Она исподлобья посмотрела на дворника и сказала:

– Во-первых, работала не я, а мой брат, и деньги будь любезен передать ему в руки, если не боишься. Во-вторых, где ты найдёшь помощника лучше за такие деньги? Может, в дирекцию пойдёшь? Они тебя мигом попросят освободить место тому, кто справляется. А в-третьих, дорогой Михель, ведёшь ты себя по-свински.

Михель яростно задышал, повернулся к Магнусу и буквально затолкал монеты ему в ладонь, после чего быстро, как только мог, укувылял прочь, повторяя «доннерветтер». Элинон как ни в чём не бывало пошла к остановке трамвая. Магнус поплёлся вслед за ней. Он ничего не понимал. Разве он не старался? Разве он не перетаскал все листья за оранжерею? Разве он оставил хотя бы листик на дорожке? Но Михель всё равно остался им недоволен, ворчал, называл бесполезным куском мяса и вот, получается, уволил. Видно было, что Элинон разочарована. Магнусу не хотелось разочаровывать сестру, тем более что она изо всех сил старалась ему помочь.

– Лина, – сказал он, когда они сели в трамвай. – Я не виноват, честно. Я всё делал...

– Глупый, – ответила Элинон и взяла Магнуса за руку. – Я уверена, что ты всё делал правильно. Михель, похоже, очень ревнует к своей работе. Он получил её недавно и очень боится её потерять. Ты же видел, какой он...

– Он воевал?

– Нет, что ты. Просто он таким родился, поэтому все думают, будто он ничего не может. Клаус всему его научил, хотя мог обходиться и без помощника. И теперь Михель боится: если дирекция увидит, что у него есть помощник, там могут подумать, что проще нанять кого-нибудь не такого... ну, как Михель. Ничего, мы найдём тебе ещё что-нибудь. На фабрике...

– Ой! – вдруг всполошился Магнус. – Метла! И совок! Я же их в будке оставил!

– Ерунда, завтра я их заберу, – успокоила его Элинон. – Ой, нет, у меня завтра смена...

– Мы завтра не учимся, я сам могу съездить.

– Хорошо. Вот тебе на завтрашний проезд и провоз багажа...

– Не надо. Мне заплатили, ты забыла, что ли?

Элинон пристально посмотрела на брата и сказала:

– Магнус, мне кажется, ты очень быстро взрослеешь.

От этих слов у Магнуса заплыли уши, а по спине побежали приятные мурашки. Всё-таки Элинон очень милая. Вряд ли кому-то сёстры говорят в день рождения настолько приятные слова.

Дома их ждал капустный пирог от бабушки Лизхен, соседки Беккеров. Бабушка Лизхен нечасто заходила в гости, она торговала на рынке тыквенными семечками, но сегодня вдруг зашла. Выглядела она сегодня какой-то особенно торжественной.

– Сегодня по рынку слух прошёл, будто малыш Магнус билет в плавучий универсам покупать собрался, – сказала бабушка, когда они сели ужинать.

– Что? – посмотрела мама на Магнуса.

– Вы, фрау Магда, не удивляйтесь. У нас бургомистр только подумает, а на рынке уже известно, что торговая точка подорожает. Я это к чему разговор-то завела, – теперь бабушка Лизхен обращалась непосредственно к Магнусу. – Ты, милый, возьми мне там, пожалуйста, по мотку золотой и серебряной пряжи, я точно знаю, что там есть. Хочу, знаешь ли, гобелен закончить, прежде чем богу душу отдам, а там без золота и серебра ну просто срам получается, я уже столько раз распускала...

– Э... – растерялся Магнус.

– Он обязательно возьмёт, – пообещала Элинон. – Мы даже список напишем. – Только это случится через год, не раньше.

– Да-да, конечно, я не тороплю, – часто закивала соседка. – Для нас, стариков, что год, что десять – всё едино. С днём ангела тебя, малыш!

Магнуса очень удивило, что одно только обещание доставило бабушке Лизхен столько удовольствия. Мама говорила, что пожилым людям приятно оказанное им внимание и уважение, наверное, это тот самый случай.

Дальше ужин прошёл как обычно: Беккеры рассказывали о том, что произошло за день, бабушка Лизхен тоже поделилась своими наблюдениями на рынке, пирог оказался очень вкусным. Когда со стола убрали, а соседку проводили, Магнус понял, что вконец вымотался. День оказался очень длинным, хотя и пролетел быстро. Пожелав всем спокойной ночи, он отправился к себе на чердак и заснул прежде, чем успел укрыться одеялом.

На следующее утро он чуть было не проспал. Хорошо, что петух бабушки Лизхен такой голосистый.

Метла и совок! Магнус посмотрел на будильник. Трамвай через пять минут. Натянув штаны, Магнус схватил рубашку и быстро спустился вниз. Мама и Элинон уже не было, на столе, накрытый салфеткой, ждал завтрак. Увы, времени уже не было, поэтому Магнус сунул в башмаки босые ноги и выскочил из дому, на ходу застёгивая рубашку. В трамвай он впрыгнул почти на ходу и, отдышавшись, понял, что не запер дверь. Ладно, может быть, за тот час, что его не будет, никто к ним в дом не заберётся.

В субботнее утро колледж и сквер вокруг него выглядели очень нарядно. Зелень травы теперь ничего не скрывало, и она переливалась в лучах солнца словно какое-то сокровище, а не обычная трава, которую щиплют коровы, кролики или, например, куры бабушки Лизхен. Магнус ещё раз отметил, что после него вчера не осталось ни листочка.

Он подошёл к воротам, но те оказались заперты. Колледж по субботам открывался с десяти часов, то есть ждать нужно не меньше полутора часов. В глубине сквера угадывалась дворницкая будка. Дверь в неё была открыта настежь, из трубы вился едва заметный дымок. Значит, Михель там. Крикнуть ему? Судя по вчерашнему, дворник точно не будет рад его видеть. Но как тогда попасть в сквер? Между прутьев Магнусу уже не просочиться, а через ограду – тем более.

Он пошёл вдоль ограды в надежде найти какой-нибудь лаз. Увы, прутья стояли один к одному, и в их строе просвета не было. На углу улицы ограда тоже поворачивала, и теперь вела вниз, к реке. Делать всё равно было нечего, и Магнус пошёл туда.

Но и у реки его ждало разочарование. Не доходя каких-то десяти метров до кромки воды, ограда вновь поворачивала, и дальше, сколько видит глаз, тянулась вдоль берега.

– Эй, малёк, ты чего здесь крутишься? – окликнул его какой-то человек в выходном клетчатом костюме, канотье и лаковых штиблетах. В одной руке он держал перчатки, в другой – трость.

– Ничего, – ответил Магнус. – Мне туда нужно, а там закрыто.

– В десять часов откроют.

– Мне не гулять, мне по делу.

– Скажите пожалуйста, дела у него, в выходной-то день! Все школьники в Шённен-Блау стремятся, на универсам посмотреть, а этот тут околачивается.

Понять человека было трудно. С одной стороны, он, вроде, выражал недовольство поведением Магнуса. С другой стороны, мужчина не выглядел угрожающе, голос его был скорее весёлым, чем сердитым.

– И какое у тебя там дело? – спросил незнакомец.

– Мне нужно забрать у дворника метлу и совок. Они мои.

– Ну, если нужно, то идём. Я директор колледжа, и у меня есть ключи.

Тут Магнус не на шутку испугался. С одной стороны, Михель оказался пренеприятным типом, и расстались они вчера не самым лучшим образом. С другой стороны, Магнус знал, что Михель боится дирекции, и директора, стало быть, боится тоже. И как теперь объяснить, каким это образом какой-то мальчишка оставил у дворника метлу и совок?

– А... извините... я, может, в следующий раз? – заюлил Магнус.

– Да чего ждать-то, малёк? Мне всё равно по пути.

– Вы только не ругайте Михеля, ладно? – попросил Магнус. – Честное слово, он тут ни при чём.

– Разберёмся. Да не переживай ты так, пустяковое же дело, – успокоил директор Магнуса.

Они бодрым прогулочным шагом проделали обратный путь до ворот колледжа. Здесь директор похлопал себя по карманам, после чего раздосадовано пробормотал:

– Вот растяпа! Ключи-то у меня в другом пиджаке. Ладно, пойдём, тут недалеко. Я с тобой возвращаться уже не буду, дам тебе ключи, а ты передашь их Михелю, он мне потом отдаст.

– А так можно? – Магнус обрадовался, что дворник не увидит его вместе с директором.

– Не вопрос, малёк. Идём...

– Ты здесь чего?!

Магнус растерянно поднял глаза и увидел грозно нависшего над ним дворника. В руках у Михеля был бумажный пакет, из которого торчало горлышко бутылки и батон.

– Пшёл вон, урод, – окрысился на него директор. – Здесь приличные люди гуляют, не видишь?!

Директор неожиданно крепко сжал ладонь Магнуса и потянул за собой.

– Но... – попытался возразить Магнус.

Директор сжал руку ещё сильнее, даже больно стало:

– Никаких «но», малёк, давай быстрее. Тебе же ещё нужны ключи?

– Но Михель...

– Да куда не денется твой Михель.

– Это я Михель, – сказал дворник, переключив внимание с Магнуса на директора. – Я тебя знаю. Остенштрассе. Галантерея. Перчатки. Вольдемар, да?

Магнус взглянул на «директора», и теперь ему стало не просто страшно, он ощутил, как душа уходит в пятки. По лицу Вольдемара, словно волны, прокатились выражения страха, досады, ненависти и ещё чего-то, что Магнусу было пока незнакомо. «Директор» замахнулся тростью, пытаясь ударить ею Михеля, причём ударить не так, чтобы ему было больно. Вольдемар хотел нанести дворнику смертельный урон.

По счастью, трость была у «директора» в левой руке, потому что правой он держал за руку Магнуса. И левшой «директор» тоже не был, поэтому удар своей цели не достиг. Он только выбил бумажный пакет с едой из рук Михеля. Бутылка в пакете разбилась, и на мостовой моментально образовалась белая молочная лужа.

– Ах ты мясо! – рассердился дворник, неожиданно ловко сгрёб Вольдемара в охапку и начал мять, как мнут тесто. Магнусу показалось, что затрещали кости, и он от страха заорал во весь голос. Именно в этот момент раздался полицейский свисток. Все – Михель, «директор» и Магнус – мгновенно встали по стойке смирно.

Полицейский, здоровенный детина, такой же высокий, как Михель, но раза в три шире, быстро пересёк проезжую часть, на противоположной стороне которой появился незадолго до этого.

– Что случилось? – спросил он.

– Ничего, господин полицейский, лёгкое недоразумение. Я нечаянно разбил бутылку молока этого несчастного, он рассердился, но я не в претензии.

– Ах ты мясо! – Михель вновь полез в драку.

– Молчать! – перебил полицейский. – Мальчик, ты с кем?

– А вы знаете?! – внезапно оживился «директор». – Кажется, я что-то видел. Этот урод приставал к мальчику, когда я шёл мимо. То есть я сначала не придавал значения...

– Что? – хором спросили полицейский и Михель.

– Да-да, теперь я понимаю! – продолжал «директор». – Кажется, он звал его в сквер, он там дворником работает.

– Мальчик? – полицейский посмотрел на Магнуса.

Магнуса сковал ужас. Этот «директор» Вольдемар врал, как дышал. Он был уверен в себе, ни капельки не боялся полицейского, и говорил так, будто он здесь один. И при этом смотрел на Магнуса, как змея смотрит на мышь.

– Ребёнок напуган. Давайте, я отведу его домой...

– Этот мужчина сказал, будто он директор колледжа и может впустить меня в сквер, – услышал Магнус свой дрожащий голос.

– Не слушайте его, мальчик только что испытал...

– Зачем тебе в сквер? – полицейский не обращал внимания на болтовню Вольдемара.

– Я шёл к Михелю, – Магнус кивнул на дворника. – Я помогаю ему в свободное от учёбы время.

– Ты сейчас вместо Клауса? – спросил полицейский у Михеля.

Михель кивнул, страшно при этом искривившись.

– Ты знаешь, как зовут мальчика?

– Магнус, – сказал Михель.

– А как вас зо...

Полицейский обернулся к «директору», но он уже бежал прочь, распихивая прохожих. Полицейский снова засвистел.

– Я его знаю, – сказал Михель. – Он перчатки продаёт. На Остенштрассе. Зовут Вольдемар.

– Будь у себя, я вернусь, – коротко ответил полицейский, и с неожиданной для его размеров прытью бросился в погоню. Спустя мгновение Магнус и Михель остались одни.

– Я инвентарь забыл, – сказал Магнус как можно твёрже. Похоже, по его вине Михель попал в неприятности.

– Идём.

Михель открыл ворота, но запирать не стал, на тот случай, если полицейский вернётся. Они прошли в дворницкую. Там на печке подпрыгивал огромный чайник. Из его носика бил пар, крышка тоже скакала. Михель схватил рукавицу и переставил чайник на верстак.

– Ну? – спросил он у Магнуса.

– Что?

– Там. На тротуаре. Свинячество. Иди и убирай. Вот щётка. Вот ведро. Совок возьми. Вода из гидранта. Там рядом.

Когда Магнус пришёл убирать «свинячество», оказалось, что убирать почти нечего. Две дворняги уже слопали батон, и теперь слизывали с камней остатки молока. Магнус сгрёб в совок битое стекло и размокшую бумагу, набрал в ведро воды и затёр пятно. Вода на лёгком ветерке моментально высохла. Тротуар вновь был чист.

Вернувшись, Магнус спросил, куда девать мусор. Михель молча проводил его в сарай, в котором вдоль стены стояло несколько огромных ларей с надписями: «Битое стекло», «Бутылки», «Бумага», «Дерево», «Ткань», «Металл». Выбросив бумагу и осколки, Магнус вышел из сарая. Его мучила совесть. Спасая Магнуса от страшного «директора», Михель остался без батона и молока. Нужно купить для него эти продукты. С собой было только двадцать вчерашних пфеннигов, значит, на трамвай уже не хватит, но зато у дворника не будет повода думать о Магнусе как о неблагодарном куске мяса.

Искать продуктовую лавку в незнакомом районе – не самая удачная мысль, особенно после того, как едва не попал в лапы незнакомца, но Магнус полагал, что Михель вряд ли ходил куда-то далеко. Так и оказалось: маленький ларёк притаился в нише у ограды сквера. По счастью, денег хватило и на бутылку, и на хлеб.

Михель не обрадовался возвращению Магнуса, но за продукты спасибо сказал. Стоя рядом с верстаком, он откусывал от батона, и пил прямо из горлышка. Магнус тихо стоял у двери и изо всех сил скрывал, что тоже голоден. Наконец, дворник проглотил последний кусок и спросил:

- Чего ждёшь?
- Инвентарь забрать можно?
- А работать чем? Метла одна. Совок один.
- Э... Так я не уволен?
- В понедельник. Без директора.

Домой Магнус добежал, как ему казалось, быстрее трамвая.

В понедельник издевательства в школе возобновились. Почти все ездили в Шённен-Блау, все видели плавучий универсам, но никто не видел там Беккера. Но на этот раз Магнус вообще не реагировал на подначки и тычки. Он уже видел, как на двенадцатый день рождения поднимется по трапу на борт универсама, наберёт там всяких конфет и леденцов в фирменных фантиках и раздаст потом перед уроками всем, кто так злобно шипит ему в спину. И обязательно со всеми помирится и никому не припомнит зла, даже Фридриху. И даже не вспомнит о предательстве Юргена. Главное – с понедельника по пятницу являться на работу и делать всё, что скажет Михель, который, как оказалось, совсем не плохой.

Незаметно пролетел май. Все летние каникулы Магнус провёл, благоустраивая территорию колледжа. К нему все привыкли, даже дирекция. Михель перестал ругаться, научил правильно держать в руке ножовку, стричь кусты секатором, стал доверять ключи от ворот. Несколько раз Магнус вообще полностью заменял дворника, потому что у него были какие-то срочные дела дома. Если кто-то спрашивал Михеля, Магнус отвечал, что он вывозит мусор, обещал передать поручение и выполнял его сам. Если в дирекции об этом и догадывались, то смотрели сквозь пальцы: работа-то, в конечном счёте, выполнена, бюджет не превышен, значит, всё в порядке.

На двери в дворницкой висела вырезка из «Фрюлингштадт цайт»: фотография полицейского Дерека Лемке, задержавшего опасного преступника, несколько раз покушавшегося на жизнь мальчиков и девочек, слава богу, безуспешно. Задержать преступника помогли сознательные граждане Фрюлингштадта, пожелавшие остаться неизвестными. Справедливости ради, Магнус и Михель с удовольствием бы не остались неизвестными, но Магнус решил, что если дома узнают об этом приключении, его вообще никуда отпускать не будут.

Внезапно лето закончилось. Сквер сначала вспыхнул разноцветным пламенем, потом пламя облетело, зарядили дожди. Цветы с клумб Магнус с Михелем перевезли в оранжерею, отапливать которую тоже приходилось им. Когда выпал снег, работать стало немного полегче: чистить приходилось только дорожки, а газоны, клумбы и сам сквер постепенно заметало. Иногда Магнус помогал Михелю загружать мусор в грузовики. Оказалось, за мусор платят, и узнав сколько, Магнус мигом подсчитал, что с одной их улицы за полгода можно собрать мусора на половину билета!

– Какого билета? – не понял Михель, перекидывая тюки с макулатурой в кузов грузовика.

– В универсам.

– В универсам? По билетам?

– Чудак человек! Это плавучий универсам доктора Фитца, там есть абсолютно всё, чего только может желать человек.

– Так уж и всё?

– Доктор Фитц утверждает: если покупатель не обнаружит в его универсаме какой-либо товар, существующий в мире, он лично выплатит десятикратную компенсацию за билет, ну, и ещё всякое.

– И ты нашёл такой товар?

– Я?! Нет. Погоди!

Магнус вылез из ларя с бумагой и сбегал в будку, где висела на гвозде его цивильная одежда. В заднем кармане штанов лежал старый портсигар, раньше принадлежавший отцу. В портсигаре давно уже не было папирос, и Магнус хранил в нём фотографию отца и рекламный проспект плавучего универсама. Это был цветной буклет на четыре полосы, и на последней был изображён аэростат эконом-класса «Цеппелин-смайт» с разборной гондолой, электродвижком и портативным генератором гелия. Эту картинку он и показал, вернувшись, Михелю:

– Вот это я хочу. И ещё бабушке Лизхен золотую и серебряную пряжу, конечно.

– Убиться веником, – хмыкнул Михель, поглядев на картинку. – А просто так этот пузырь никак не купить?

– Такой только в Америке продаётся, да и то не всегда, а только на салонах аэронавтики. И заказов слишком много, я читал.

Магнусу было удивительно, что есть люди, которые ни разу не слышали о плавучем универсаме. И он стал рассказывать обо всём, что когда-либо читал про доктора Фитца и его магазин. Так они загрузили два грузовика, а после пошли чистить снег перед производственными корпусами. Пока шли, Михель вдруг снова спросил, дождавшись, пока Магнус на мгновение замолчит:

– Если в этой плавучей лавке всё так легко можно взять, почему тогда богатеи не летают на воздушных шарах? Уж наш-то бургомистр должен был купить своему сынку такую игрушку.

– Масса «Цеппелина» со всеми комплектующими – сто килограмм без малого. А забрать можно только тот товар, который обладатель билета может унести сам. Ты что, слушал невнимательно?

– Как же ты его вынесешь?

– Очень просто. Я соберу аэростат прямо в универсаме, накачаю гелием и выведу за верёвочку.

– То есть обманешь владельца?

– Это не обман. В правилах не запрещено...

– Но так ведь никто не делает.

– Значит, я буду первый.

– Хитрый, – Михель дёрнул шеей. – Ладно, хватит болтать, снег сам себя не уберёт.

До половины девятого вечера они чистили пешеходные дорожки и подъездные пути, на этот раз молча. Но рассказ о плавучем универсаме, видимо, чем-то зацепил дворника, и под конец он спросил:

– И туда вот прямо всех-всех пускают?

– Если есть билет.

– А у тебя есть эти... правила?

– Конечно.

– Принесёшь?

– Спрашиваешь! Хоть завтра!

– Завтра выходной. В понедельник приноси.

Обычно дворник был нелюбопытен и молчалив. Казалось, будто у Михеля вечная ангина: когда ему приходилось говорить, он каждое слово выталкивал из себя, болезненно морщась. А сегодня он прямо забыл о своём недуге. Магнус был счастлив, что сумел вызвать в Михеле хоть какой-то интерес к окружающему миру. Может, он тоже начнёт копить на билет? Было бы здорово! Магнусу очень не хватало друзей, и если Михель будет проявлять к нему интерес хотя бы через плавучий универсам – что ж, пусть так.

На остановке его ждала Элинор.

– Как дела? – спросила она.

– Михелю понравилось, как я рассказываю про плавучий универсам.

– Почему я не удивлена, – рассмеялась Элинор. – Послушай, меня сегодня приглашали в дирекцию колледжа. В эти выходные привезут уголь для котельной, а котельщик заболел. Поможешь разгрузить?

– На выходных?.. – грустно протянул Магнус, поскольку хотел покататься на коньках.

– Ой, я забыла. Два талера.

– Два талера?! Да, я буду.

– Учти, это очень тяжело.

– Да я за два талера всё один сделаю!

– Не вздумай сказать об этом в дирекции!

Ах, если бы знать, как дадутся эти деньги! Магнус ещё десять раз бы подумал. Уголь приехал в пятитонном студебеккере, загруженном не с горкой даже, а с горой. По дороге он смёрзся, и чтобы разгрузить грузовик, пришлось снять все борта и долбить уголь ломом. Правда, долбил Михель, а Магнус лопатой сбрасывал заиндеветший уголь на землю, но это тоже было нелегко. А когда они освободили кузов, оказалось, что студебеккер приедет ещё четыре раза. Так что последнюю тачку с углём Магнус вывалил только в воскресенье, во второй половине дня.

– А когда заплатят? – спросил он у Михеля, когда они, раздевшись до кальсон, вытряхивали угольную пыль из одежды.

– Завтра. Кастелян выплатит, – обычным своим недовольным голосом ответил дворник. – Правила принёс?

Правила Магнус принёс ещё вчера, но увидев объём работ, даже забыл о них.

– Вот, держи. Здесь правила, каталог товаров повышенного спроса, ну, и всякое разное.

Михель взял брошюру и бережно засунул в карман куртки.

– Чай будешь?

– Нет, – отказался Магнус. – Я хотел ещё часик на коньках, если успею.

– Как знаешь.

Магнус лукавил. На самом деле ему хотелось домой, поскорее лечь и выспаться. Он твёрдо решил никогда больше не выгружать уголь зимой. По крайней мере, за два талера.

На следующий день, едва Магнус приехал на работу, в дворницкой его ожидал кастелян. Он выдал два талера за выгрузку, дал расписаться в ведомости оплаты, а потом сказал:

– Пойдёшь в уборщики?

– Э... – растерялся Магнус. – А я разве...

– У нас уборщица производственных помещений увольняется. Я видел, как ты работаешь, и решил сначала тебе предложить, прежде чем объявление в газету давать.

У Магнуса на миг перехватило дыхание. Его берут на работу по-настоящему!

– А сколько платят?

– Четыре талера в неделю, но ты всё равно неполный рабочий день работаешь, так что два.

И зарплата выросла в два раза!

– Я!.. – Магнус готов был сказать «согласен», но тут взгляд его остановился на Михеле. – Я подумаю.

– Думай быстрее, объявление в пятничную газету даём.

Кастелян забрал ведомость и ушёл. А Михель сказал Магнусу:

– Болван! Зачем отказался?

– Я не отказался. Но ведь ты...

– Справлюсь. Ещё и талер в неделю экономить буду.

– Но тебе нужен помощник!

– Тебе сколько осталось талеров до билета?

– Шестьдесят.

– Вот! У меня в помощниках тебе ещё год работать. А в уборщиках ты до лета почти сорок заработаешь. Переходи в уборщики. Или я тебя сам уволю.

– Но...

– Ты уволен! Собирай манатки и догоняй кастеляна!

Магнус схватил вещи и выбежал из дворницкой.

В производственных помещениях Магнусу нужно было каждый день мыть туалеты, подметать, раз в неделю делать влажную уборку, сортировать отходы учебного производства, поддерживать температурный режим в ткацком цехе, и ещё множество мелких дел.

Обычно он приходил, когда работы уже заканчивались, но иногда видел, как молодые парни и девушки работают на ткацких, дерево- и металлообрабатывающих станках, шьют, режут и сваривают металл газом и электричеством. Это было невероятно интересно, но смотреть долго он не мог – слишком много работы.

С обязанностями своими он справлялся хорошо, каждую пятницу кастелян, выдавая жалованье, лишь давал мелкие советы: как проще оттирать пятна или откуда удобнее сгребать стружку и опилки, чтобы меньше тратить времени и сил.

С Михелем они теперь пересекались крайне редко, только если случайно Магнус выносил мусор, а Михель поблизости чистил снег. Они здоровались, а потом снова расходились по своим делам.

Зима пролетела незаметно. Март выдался тёплым, и к апрелю весь снег уже сошёл. Неуклонно приближался день рождения.

В классе Магнуса все уже знали, что он зарабатывает на взрослый билет в плавучий универсам. Никто уже не насмешничал и не называл его вруном или хвастуном, и лишь Фридрих Цангер, предчувствуя, что скоро перестанет быть самым популярным учеником, всё отчаяннее и грязнее злословил. Магнуса это уже давно не беспокоило. Он знал, что в этом году тоже не сможет осуществить свою мечту, но это его уже не расстраивало. В следующем году он купит билеты и на себя, и на Элинора, и на маму.

В последний понедельник мая, уже в конце смены, в цех деревообработки пришёл Михель.

– Привет, – сказал он.

– Привет, – растерянно ответил Магнус. Он понял, что очень соскучился по дворнику.

– Как дела?

– Да вот... работаю. Герр Штайнер вроде доволен.

– Знаю. Я вот что... Элинора сказала, что тебе двадцать пять талеров на билет не хватает.

– Да ничего. Год терпел – и ещё год потерплю.

– Не надо терпеть. Вот.

С этими словами Михель достал из кармана тяжёлый на вид кожаный мешочек, затянутый шнурком.

– Тут тридцать талеров серебром. На всякий случай. Чтобы точно хватило.

- Михель... Нет, я не могу. Это большие деньги!
- Потом отдашь. Ты же не улетишь потом на этом пузыре?
- Нет, конечно. Ты что, в долг мне даёшь?
- Да. В долг.

Магнус бросил швабру и обнял Михеля за пояс. Выше бы он всё равно не дотянулся.

- Ты мой лучший друг за всю жизнь, – сказал он дворнику.
- Ладно тебе. Ну, отпусти. У меня работа.

Магнус разжал объятия. Михель, пряча лицо, пошёл на выход, и уже у дверей сказал:

- Ты хотя бы покажи, как они выглядят, эти билеты. А то уедешь...
- Обязательно покажу!

Не помня себя от счастья, Магнус закончил работу, переоделся, и отправился на трамвайную остановку. По пути ему откозырял сержант Дерек Лемке. Издалека затрещала вагоновожатая Брунгильда. И какие-то парни и девушки – наверное, знакомые Элинора – радостно что-то прокричали Магнусу издалека. Будто все знали, что скоро он станет самым знаменитым мальчиком Фрюлингштадта.

Во время ужина Магнус рассказал маме и Элинора о разговоре с дворником и показал кошель. Что тут началось! Мама с Элинора скакали по кухне друг за другом и размахивали полотенцами. Они хохотали, как маленькие девочки. Они щекотали Магнуса. Они начали спорить, кто будет его сопровождать до универсама. И договорились, что поедут все. Заснул Магнус абсолютно счастливым человеком.

Как пролетели вторник, среда и половина четверга, Магнус даже и не помнил толком. Обычно пролетели: за учёбой, домашними делами и работой. Просто если бы его попросили рассказать, что за эти дни произошло, он бы сразу и не ответил, потому что мыслями был уже не в универсаме даже, а в гондоле «Цепелин-смарта». Он был абсолютно уверен, что если у него всё получилось с билетом, то и с аэростатом абсолютно точно получится.

Вечером четверга он возвращался сильно уставшим – в учебном ткацком корпусе было ужасно жарко и пыльно, и пока он там закончил, с него семь потов сошло. Поэтому он не сразу понял, войдя домой, что никого нет.

Магнус не испугался. Такое уже случалось. Это значило, что часть ткачей и ткачих вновь не вышла на работу, и мастер уговорил фрау Беккер и фройляйн Беккер отработать лишнюю смену. Неприятно, конечно, но такова взрослая жизнь. Он сам разогрел себе ужин, поел и лёг спать.

В половине седьмого утра бодро зазвонил будильник. Магнус проснулся, привёл себя в порядок, позавтракал вчерашним ужином, взял ранец и только в прихожей понял, что мамы и Элинора до сих пор нет дома: в прихожей не было ни обуви, ни одежды.

А если их ограбили, вдруг подумал Магнус. Стараниями бабушки Лизхен весь Фрюлингштадт знал, что Магнус Беккер накопил на билет в плавучий универсам. Это огромные деньги. Маму и Элинора могли схватить бандиты.

Он разулся и бросился в спальню. Деньги мама хранила в тайнике под кроватью. Магнус нырнул под кровать и поднял половицу. Денег не было.

Сердце бешено колотилось. Нет, на фабрику бы они с деньгами не пошли. Но они могли вообще не ходить на работу, у них достаточно отгулов накопилось, чтобы вместе съездить в Шённен-Блау за билетами. Их могли ограбить в поезде, а тела выбросить на ходу, о таком уже писали в газетах. А что, если...

В это время раздался стук. Магнус на дрожащих ногах подошёл к двери и спросил:

- Кто там?
- Магнус! Это бабушка Лизхен.

Магнус рывком открыл дверь.

– Малыш Магнус, прости старую, совсем запамятовала вчера. Фрау Магда и Элино́р просили передать, чтобы ты их не терял, а я уснула, старая тетеря.

– Где они?

– Они на забастовке.

– Забастовке?

– На фабрике рабочих сокращают, вот профсоюз всех и взбаламутил. Они со вчера там стоят.

До Магнуса дошло, что вчера он не слышал фабричного гудка. И утром тоже.

– А когда они будут? – спросил он слабым голосом.

– Сказали, что твой день рождения они ни за что не пропустят. Я им тут поесть собрала, передать что-нибудь?

– Передайте: если они вечером не появятся, я сам за ними приду.

Всю дорогу в школу Магнус думал. Ткацкий профсоюз, конечно, сила, особенно если в нём состоят мама и Элино́р. Но если всё пойдёт плохо? Если бастующих разгонят дубинками и водомётами? Если маму с Элино́р тоже уволят? Тогда они не смогут платить за жильё, за курсы Элино́р, за газ и электричество. Покупать билет в универсам сейчас – глупее не придумаешь.

Одноклассники заметили, что радостно-мечтательный в последние дни Магнус стал хмурым и задумчивым. Фридрих Цангер злорадно сказал:

– Помяните моё слово – этот балабол опять никуда не поедет и будет придумывать отговорки.

Кажется, на этот раз он не ошибался.

Когда Магнус вернулся из школы, мамы и Элино́р всё ещё не было. Он переоделся, сделал уроки, и отправился на работу раньше, чем обычно. И работал зло и остервенело, не давая мусору и пыли ни малейшего шанса забиться в самые отдалённые щели, и, наверное, опоздал бы на трамвай, если бы кастелян герр Штайнер случайно не увидел, что в корпусе деревообработки горит свет. Он пришёл, велел Магнусу немедленно отправляться домой и обещал сам убрать инвентарь в кладовку. Магнус равнодушно поблагодарил и отправился домой, где всё ещё никого не было. Но идти на фабрику сил уже не было. Магнус залез с ногами в кресло и заплакал от жалости к себе, маме, Элино́р, Михелю, бабушке Лизхен, Брунгильде, и вообще ко всем, кому приходится работать. Так он и уснул.

А на следующее утро ему исполнилось двенадцать лет. Он открыл глаза, а над ним стояли, улыбаясь, мама и сестра.

– С днём рождения, капитан, – сказала мама.

– С днём рождения, – сказала Элино́р.

– Вас не уволили? – встревоженно спросил Магнус.

– Нас? Почему это нас должны уволить? – Элино́р посмотрела на маму.

– Нет, капитан, нас не уволили. Мы победили.

– Правда?

– Правда.

– И мы завтра поедем в Шённен-Блау?

– Не завтра, а сегодня. Поезд отправляется вечером, завтра утром мы будем там.

– А билет? Можно на него посмотреть?

Билет были из плотного картона, размером примерно в два раза меньше почтовой открытки. На лицевой стороне билета переливался разноцветными огнями плавающий универсам, с обратной был напечатан чёрно-белый ростовой портрет доктора Фитца.

Утром первого мая семья Беккеров сошла на перрон вокзала Шённен-Блау. Фрау Магда и фройляйн Элино́р были в самых нарядных своих платьях, Магнусу пришлось влезть в нелюбимый выходной костюм с короткими штанами, и к своему неудовольствию обнаружить, что он всё ещё впору. Несмотря на ранний час, на вокзале было шумно и

весело, играл оркестр, слышны были крики зазывал посетить порт и насладиться зрелищем прибытия плавучего универсама.

Магнус впервые был в таком большом городе. Здесь даже вокзал был многоэтажным, и поезда – вот дела! – останавливались на каждом этаже! А то, что было за окнами вокзала, вообще не поддавалось никакому описанию. Огромные здания, широченные дороги, невероятное количество народу, и всё это в непрерывном движении.

– Магнус, будь добр, держи меня за руку, – сказала мама.

– Я не потеряюсь.

– Ты – нет, а я – да.

Пришлось позволить маме взять себя за локоть.

– С богом.

Разношёрстная толпа уезжающих и вернувшихся, провожающих и встречающих бурлила и клочкотала. Все толкали всех, все извинялись перед всеми, и никто никого не слушал. Пару раз Магнусу казалось, что ему оторвут руку, несколько раз ему основательно отдавили ноги, а уж сколько раз пихнули, он и считать не пытался. Протолкавшись таким образом через вокзальную толчею, Беккеры оказались на широком проспекте. Под открытым небом всё перестало казаться огромным и быстрым, и волнение слегка угасло.

– Куда сейчас? – спросил Магнус.

– Здесь рядом есть недорогое кафе, – сказала Элинор. – Позавтракаем.

– Может, в универсаме поедим? – предложила мама.

– Кто-то поест, а кто-то и нет, – многозначительно посмотрела на неё Элинор. – У нас всего один билет.

– Ой, божечки, – спохватилась мама. – А где он?

Магнус похлопал себя по карману. Портсигар отозвался глухим стуком.

– Проверь.

Маркус с удовольствием подчинился. Билет был на месте.

– Тогда идём есть.

Кафе действительно оказалось рядом, совсем недорогое, и там на удивление вкусно готовили. Официантка ни капли не удивилась, что Магнус самостоятельно отправляется в универсам. Видимо, в Шённен-Блау таких счастливчиков хоть пруд пруди. Расплатившись, Беккеры дошли до автобусной остановки, сели в двухэтажный автобус – непременно на второй этаж – и поехали в порт.

Если на вокзале народу было много, то в порту и вовсе не пробиться. Людей, кажется, было больше, чем воды в акватории. Беккеров подхватило, понесло и затянуло в водоворот.

– Мама, Магнус, сюда! – крикнула Элинор. – Вход для тех, кто с билетами.

– Где?

– Да вот, за аншлагом!

Магнус увидел впереди, всего метрах в десяти, огромную белую вывеску «Плавучий универсам доктора Фитца. Вход только по билетам». Они с мамой начали продвигаться туда, и вдруг кто-то с силой дёрнул Магнуса за руку и заткнул ему рот платком. Он тут же потерял из виду и направление движения, и маму, и Элинор. Он слышал их испуганные крики, но ответить не мог: платок надёжно закрывал ему рот. Потом его развернули, и Магнус лицом к лицу встретился с похитителем.

– Михель? – спросил Магнус. Страх как ни бывало. – Что ты здесь...

– Билет. Быстро.

Господи! Как он мог забыть! Он ведь обещал показать Михелю!

– Михель, прости! Я совсем забыл! погоди, я сейчас! Вот, смотри, – Магнус раскрыл портсигар и протянул билет другу.

– Я его забираю, – сказал Михель.

– Забираешь? Я думал, ты тоже будешь копить...

– Да пойми ты, кусок мяса! Мне в жизнь таких денег не скопить! А ты снова заработаешь, ты здоровый, у тебя семья есть!

– Но... ты что, хочешь всю жизнь прожить в универсаме?

– Это не запрещено! Пока покупки не совершены, можно плавать сколько захочешь, и у меня будет жильё и бесплатная еда. И врач.

– Но я же тебе помогу! Правда!

– Ты ничего не понимаешь, – ответил Михель. – Прощай.

С этими словами дворник выпрямился во весь свой огромный рост и заковылял ко входу в плавучий универсам. Магнус стоял и смотрел, как его лучший друг скрывается в арке вместе с другими обладателями билетов.

– Магнус! Магнус! – раздались громкие рыдания совсем рядом.

– Мама! Элинор! Я здесь!

Его схватили, ощупали с ног до головы, обняли и поцеловали. Он тоже целовал и обнимал. Вдруг толпа на мгновение стихла, а потом взорвалась приветственными криками, которые на несколько секунд заглушил паровой гудок. Магнус из-за стоящих впереди людей почти ничего не видел, но точно знал, что на одной из четырёх палуб плавучего универсама сейчас играет оркестр, одна из трёх труб слегка дымит, маневровые винты ещё вращаются, но через мгновение один из двух якорей опустится на дно гавани, и универсам примет дорогих клиентов.